

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И "НОВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР" *

Вспоминая двадцать пять лет спустя период, который последовал за смертью Сталина, и сравнивая его с тем, что пережила Восточная Европа вслед за свержением Хрущева, легко заметить, что речь идет о двух фазах по существу одного и того же процесса. Различия же между этими двумя фазами определились не столько личностями, которые правили в это время в Восточной Европе посредством бюрократии и военно-полицейского аппарата, сколько самой концепцией послесталинского "социализма".

Сталинская диктатура держала страны в послушании, практикуя террор и оправдывая его псевдотеоретической фразеологией. Террор снабжал рабочей силой, использованной для индустриализации, террор должен был гарантировать тотальную мобилизацию в случае военной необходимости и обеспечить максимально быстрое послевоенное строительство. Его методы, инструменты и практика выростали, по сути дела, из структуры старой российской государственности. Пережив революцию и гражданскую войну, они составили хребет новой системы и новой идеологии.

Что же касается Хрущева, то он пришел к власти, когда самые страшные раны, нанесенные войной, уже зарубцевались, когда военная мощь СССР могла опереться на атомное оружие, когда закрепились за СССР послевоенные территориальные захваты, а его влияние в так называемом социалистическом лагере казалось надежным. В этот момент было решено покончить с массовым террором как основной формой правления, перейти к новым методам власти. Хрущев принадлежал к первому поколению советских коммунистов и, как все они, искренне верил в силу идей. Он был убежден, что индустриализация,

---

* Статья напечатана в журнале „Listy“ № 1, 1979 г.

победа в войне, послевоенное строительство и успешное вступление СССР в век атома и ракет являются в глазах не только советского населения, но и всего мира, доказательством превосходства советской системы, а потому достаточно улучшить политико-бюрократическое руководство партийного аппарата, чтобы советское государство смогло успешно осуществить переход от сталинских времен к новым.

Однако то, что Хрущев воспринимал как искаженный последствиями "культ личности" марксизм, было на деле сложным конгломератом русской религиозности, славянофильства, полицейского и военного патриотизма, самодержавия, европейского социализма, марксизма, ленинизма и фашизма, сцементированных в единое целое ненавистью представителей всех перечисленных тенденций к либерализму XIX и XX веков. От развенчания Сталина и его учения этот конгломерат дал глубокую трещину, и сталинская идеология начала быстро распадаться. А поскольку применима истина, что "свято место пусто не бывает", и природа не терпит пустоты, Хрущеву пришлось столкнуться с противоречиями, решить которые он оказался не в состоянии. В результате власть выпала из его рук...

Коммунистические партии во времена Хрущева стали главным двигателем десталинизации. Предполагалось, что именно они призваны были вобрать в себя нажим всех групп давления, послужить колбой, в которой все компоненты соединяются в единое вещество новой идеологии. Именно поэтому в одних странах компартии вынуждены были приобрести более национальный характер, в других — более либеральный, в третьих — более марксистский. Тогда это называлось возвращением к "ленинским нормам", но все это делалось только ради сохранения монополии компартий на власть.

Вскоре, однако, стало очевидно — в Венгрии, Польше и в самом СССР, что прекращение массового террора и смягчение атмосферы в области идеологии рождают нежелательную для власть имущих инициативу снизу. И не только внутри коммунистической партии, но и вне ее. Из-под тришкина кафтана сталинской идеологии высунулась тривиальная правда, совершенно противоположная догмам сталинизма. Из-под наносов индустриализации проступила старая, жестокая, неевропейская Россия, не знавшая ни Ренессанса, ни Просвещения, но в то же время и

Россия Толстого, православия, безграничного мужицкого терпения.

Вот этот-то конфликт и характерен для эры Хрущева во всех республиках СССР, во всех странах так называемого социалистического лагеря. В зависимости от местных исторических традиций, эти республики и страны отличались отдельными чертами, но не константными элементами. Коммунистические партии в этот период металась между стремлением выполнить обещанное XX съездом и невозможностью сдержать слово. Осуществить обещанное и сохранить сталинскую политическую структуру, сдержать слово без ревизии политико-экономической системы СССР и стран Восточной Европы оказалось невозможно... Провести же такую ревизию значило положить конец неограниченной власти партийной бюрократии, армии и полиции, а, следовательно, конец той политической стабильности, которую только компартия могла обеспечить. Поэтому, в конце концов, именно компартия восстала против политики Хрущева и свергла его.

Чехословакия была, вероятно, единственным государством Восточной Европы, где хрущевская концепция преобразования сталинского общества могла быть реализована путем преобразования самой компартии. Тем самым совершился бы мирный переход к следующей, не предусмотренной Хрущевым, но неизбежной фазе — к социалистической демократии, основанной на самоуправлении, на подлинно групповой, а не государственной собственности на средства производства.

После падения Хрущева начинается период поисков иной политики, иной базы решения проблем — в частности, проблемы сохранения монолитности советского государства и его сферы влияния, с одной стороны, и проблемы укрепления его военной и экономической силы, а тем самым и международного авторитета, — с другой. Послесталинский период обнаружил, что формы правления и организации производства, соответствующие потребностям индустриализации огромного, богатого, отсталого, аграрного, неграмотного и многонационального государства совершенно не соответствуют потребностям экономического развития тех стран, в которых перечисленные характеристики отсутствуют. Более того, эти формы уже не соответствовали даже потребностям самого СССР шестидесятых годов. В то же время любые экономические реформы, даже самые осторожные, на деле вели к изменению политической системы. Любое послаб-

ление центрального планирования и контроля порождало центробежные тенденции, требования еще большей самостоятельности, восстановления рыночной экономики, а в конце концов ставило под вопрос оправданность всеохватывающей государственной собственности. Поэтому параллельно с этими требованиями, которые формулируются в среде политиков и интеллектуалов, рождается новая концепция; наиболее полно она была разработана и реализована в Чехословакии.

Путь реформ преемники Хрущева отвергали полностью, так как сознавали опасность такого пути для выполнения ими же поставленных задач — сохранения единства СССР и советского блока, а также усиления военной и экономической мощи советского государства. При этом преемники Хрущева понимали, что со сталинизмом покончено окончательно, хотя при некоторых изменениях им еще пробуют воспользоваться в поисках нового обоснования русского национализма и русской имперской идеологии. Но вне границ СССР, да и в нерусских областях СССР идеология сталинизма уже совершенно непригодна. И вот отказ советского руководства от политики демократизации с одной стороны, и невозможность вернуться к массовому террору, — с другой, послужили причиной того, что к концу шестидесятых годов было найдено новое политическое решение, которое я называю *"новым общественным договором"*.

* * *

В соответствии с этим "договором" граждане отказываются в пользу государства от своих прав — индивидуальных и коллективных, а государство за это обеспечивает гражданам постоянную работу за среднее жалование, при минимальном расходе их трудовых усилий и личной инициативы. Пока обе стороны соблюдают этот "договор", отношения между ними уравновешены. Но стоит одной из сторон нарушить договор, нарушается равновесие, происходит либо кризис, либо взрыв. Стоит государству, допустим, потребовать повышения производительности с целью привести в соответствие цены и зарплаты, граждане, естественно, выступают с контртребуванием: дайте нам право создавать организации, свободно решать свои дела и обсуждать условия, на которых мы готовы предоставить свою рабочую силу; дайте нам, наконец, право и возможность принимать реше-

ния об использовании средств производства. Если власть не уступает, происходит взрыв, как в Польше в рождественские праздники 1970 и 1976 годов.

Когда же власть уступает, прежний договор аннулируется и устанавливается новое равновесие, что мы и наблюдали в Чехословакии в 1968 году.

То, что я называю "новым общественным договором", существует за пределами идеологии. Ни одна из договаривающихся сторон на нее не ссылается. Они исходят лишь из простого согласия на статус-кво и необходимости его сохранения. Заинтересованность в сохранении статус-кво — альфа и омега "нового общественного договора". И в этом принципиальное его отличие от сталинской системы, при которой идеология обосновывала, а террор обеспечивал, чтобы осуществляемые мероприятия, оказываясь в противоречии с интересами трудящихся, не вызывали взрыва. Гарантируют соблюдение договора, разумеется, сами его авторы: партийная бюрократия, армия (в случае стран Восточной Европы — иностранная) и полиция. Понимая невозможность возвращения в Восточной Европе к массовому террору, они жизненно заинтересованы, чтобы "новый общественный договор" соблюдался. Каждый взрыв приводит к открытому столкновению с совершенно непредсказуемыми последствиями. В соблюдении "нового общественного договора" из-за выгод, которые он им предоставляет, заинтересованы, однако, и граждане. Постоянная работа, социальная уверенность, минимальный износ работников представляются — при отсутствии иного выбора — приемлемой компенсацией за недостаточный высокий уровень жизни и отказ от гражданских прав.

Соблюдение обеими сторонами "нового общественного договора" обеспечивает, однако, всего лишь статус-кво в экономической, политической и социальной областях. Договор не укрепощает творческий потенциал ни в одной из сфер человеческой деятельности. И в этом причина, почему под кажущейся стабильностью и сравнительным благополучием мы ощущаем напряженность и недовольство. Мобилизация все большего количества работников и концентрация их на постоянно уменьшающемся количестве специализированных заданий не дают государству средств, необходимых для выполнения договора. Для этого недостаточно даже введение ряда "частнокапиталистических" клапанов в экономическую жизнь страны, что, например,

было сделано в Венгрии, в сельском хозяйстве Польши и т.п. Гражданин способствует выполнению договора лишь своей пассивностью; он всего лишь реципиент. Обеспечить необходимые для соблюдения договора средства — дело государства. А так как основанное на "новом общественном договоре" общество по сути своей непродуктивно, то эти средства приходится добывать в других местах. Источников же всего три: распродажа суверенитета или его жалких остатков; распродажа источников сырья; получение субсидий и кредитов. Расплачиваться за получаемые от СССР субсидии странам Восточной Европы приходится, развивая такие отрасли производства, которые не имеют никакого отношения к преумножению богатства и источников богатства данной страны, а подчинены интересам укрепления мощи самого СССР, облегчения его экономической экспансии. Пример тому — строительство газопровода на территории Чехословакии.

Необходимость выполнения "договора" в странах Восточной Европы, уровень жизни которых до включения их в советскую сферу влияния был намного выше уровня жизни в СССР, объясняет парадоксальность советской политики. Часть богатства Советского Союза расходуется его правительством на то, чтобы в оккупированных странах, а также в некоторых республиках самого СССР, сохранялся уровень жизни, намного превышающий уровень жизни большинства советского населения.

В самом Советском Союзе выполнение "договора" проще, поскольку, во-первых, уровень жизни всегда был там ниже, а, во-вторых, советскому гражданину легко отказаться от прав, о которых он никогда и не знал. Правда, перемены, происшедшие в постсталинский период, повлияли и на Советский Союз, причем повлияли существенно. Повысился уровень жизни, выросли потребности, а разложение идеологии образовало вакуум, который заполнить невозможно одним только национализмом.

Огромные богатства Советского Союза, его территория, численность его населения — это не только отправная точка, но и гарантия, что договор со стороны государства будет выполнен. Никакая другая держава не могла бы позволить себе сохранять такую непроизводительную, неэффективную систему только ради обеспечения власти для определенной группы людей. И все же это преимущественное положение Советского Союза имеет оборотную сторону. Благодаря огромной территории и многочис-

ленному населению, Россия еще до начала индустриализации смогла стать крупной державой, а индустриализация сделала ее вторым по мощи государством XX века. Однако вытекающие из этого положения нужды — широкая программа вооружения и прежде всего производство атомного оружия, престижная космическая программа — превышают возможности советской экономики, а потому поглощают значительную часть ресурсов, необходимых для равномерного развития хозяйства и повышения уровня жизни. А при одновременном кризисе советского сельскохозяйственного производства Советский Союз попадает в положение, когда и для него выполнить "новый общественный договор" становится затруднительно. Поэтому Советский Союз вынужден прибегнуть к тому же, что и его европейские сателлиты: к кредитам. Однако получить кредиты можно только на Западе, преимущественно в США, и только при условиях, когда предоставление кредитов соответствует интересам западных стран. Интересы же эти не только экономические; сейчас они только еще формулируются и при этом сказываются опасения некоторых политиков, что экономические трудности могут повести к эскалации агрессивности Советского Союза вплоть до военной авантюры, которая могла бы вылиться в атомную войну...

Но не будем забегать вперед. Достаточно констатировать, что "новый общественный договор", который характерен для современной Чехословакии и эры Брежнева в СССР, представляет собой логический, заверченный структурный комплекс, влияние которого сказывается на всех областях общественной жизни и в огромных, можно даже сказать планетарных, масштабах. В области международных отношений тот факт, что Советский Союз вынужден прибегнуть к помощи других стран, впервые за долгие годы дает этим странам возможность активно вмешаться в дальнейшее развитие событий в СССР и странах Восточной и Центральной Европы... Политика же разрядки напряженности будет оправдана лишь в том случае, если она будет рассматриваться как политика двусторонняя.

* * *

В хрущевский период интеллигенция, да и вообще культура, играли в странах Центральной и Восточной Европы исключительно важную роль. Представители интеллигенции и деятели куль-

туры заполнили вакуум, который образовался вследствие разложения сталинской идеологии и бездарно проведенной критики так называемого культа личности. Роль интеллигенции наилучшим образом иллюстрируется историей Чехословакии. Однако опыт и других стран, в том числе СССР, подтверждает, что параллельно давлению экономических факторов, стремлениям наций и национальных меньшинств к эмансипации осуществляется также и интеллектуальный нажим. В качестве общего требования начинает выдвигаться освобождение личности, субъекта (в области мышления и культуры речь идет об освобождении индивидуума; в области экономической и национальной — о субъекте в более широком смысле слова — то есть о рабочем коллективе или о представителях одной национальности). Под воздействием этих факторов сформировалась концепция демократического социализма, концепция восстановления (или создания) демократической, "либеральной", гуманной структуры в обществе коллективных собственников. В этом процессе интеллектуалы по праву играли ту роль, которая им всегда принадлежала в обществах, созревших для такого рода перемен. Роль интеллектуала в Восточной Европе последних лет можно сравнить с их ролью в Западной Европе, в особенности во Франции, конца XVIII века...

В этой статье мы остановимся на роли интеллектуалов сегодня, в период действия "нового общественного договора". Этот "договор" довольно точно определяет содержание послехрущевского периода. Его главная цель — не перемены, а сохранение статус-кво. Все остальные возможности предопределены этой основной целью. Она же составляет отправную точку официального политического мышления. Хорошо все то, что служит сохранению достигнутого равновесия; плохо все то, что может его нарушить. В этих рамках интеллектуалу (следует различать человека с формальным образованием и интеллектуала) места нет. Либо он согласится занять позицию связанного "договором" гражданина, либо он примет сторону государства. Но в обоих случаях он отказывается от призвания интеллектуала, перестает быть тем, кто задает вопросы, кто сомневается, кто признает правду главным критерием своих политических и нравственных убеждений. Как только интеллектуал переходит в ряды охваченных "договором" граждан или становится частью государственного аппарата, он уничтожает себя как интеллектуала,

становится исполнителем воли одной из участвующих в договоре сторон. А ни одна из них — не только субъективно, но и объективно — не заинтересована в том, чтобы интеллектуал играл предназначенную ему роль. Ведь он неизбежно начнет ставить под сомнение необходимость статус-кво, необходимость равновесия. И чем неустойчивее это равновесие, чем ненадежнее статус-кво, тем сильнее страх перед интеллектуалами...

Интеллектуал, разумеется, тоже борется за существование. Но за существование как интеллектуала. Условием же его существования являются как раз те права, которые в рамках "договора" ликвидированы полностью. Поэтому, не желая перестать быть самим собой, интеллектуал вынужден отвергнуть "новый общественный договор", не соблюдать его правил. Ведь в результате действия этого договора только интеллектуал теряет себя. Рабочий остается рабочим, врач врачом, бюрократ бюрократом, крестьянин крестьянином. А интеллектуалы? — От деревенского учителя до философа, писателя, работника искусства — их всех колесуют, рвут на куски, пока не остается ничего, кроме названия. Инстинкт самосохранения заставляет интеллектуала защищаться. Совесть не позволяет ему перестать быть самим собой, а так как соблюдение обществом договора предполагает постоянные нападки на интеллектуала — дословно или в переносном смысле, то он вынужден сопротивляться, выступать, отвергать, не соглашаться. При повсеместном духовном вакууме — необходимом условии, чтобы соблюдался "новый общественный договор"; — любое, даже самое скромное, самое ненавязчивое стремление интеллектуала — сохранить хотя бы минимальные условия, необходимые для жизни интеллекта, — начинает выглядеть как подрывная деятельность. А резонанс его в вакууме связанного договором общества куда сильнее, чем в обществе нормальном. Именно поэтому в связанном договором обществе интеллектуалы — главная, а часто и единственная мишень открытых преследований. Только интеллектуалы, защищая свое существование, становятся выразителями интересов, которые договором не предусмотрены: национальных, групповых и индивидуальных — интересов, которые, пока не наступил кризис, пока равновесие не нарушено, кажутся несущественными.

Не следует не доверять их свидетельствам, их голосу. Они дают подлинное, правдивое показание о создавшейся при "новом

общественном договоре” ситуации, о духовном климате страны, о том, что тлеет под поверхностью и взорвется при первой искре. Опираясь на показания интеллектуалов наших стран, можно понять структуру, сложившуюся вследствие заключения ”договора”, и что нас ждет, если одна из двух договорившихся сторон нарушит заключенное соглашение. Граждане попытаются восстановить все уничтоженные договором права. Власть же попытается восстановить сталинский террор, который на этот раз будет пользоваться самыми совершенными средствами. При обоих вариантах интеллектуалы смогут исполнить свою привычную роль — разжечь костер, в пламени которого они сами сгорают.

Мы знаем на собственном опыте, сколь тяжело бремя интеллектуала, сколь часто его охватывает желание сбросить это бремя, не отказываясь при этом от самого себя. Это желание часто побуждало интеллектуалов к радикальным позициям в социалистических движениях. Интеллектуалы, в большинстве своем принадлежащие к молодежи, искали выход в полном слиянии с этими движениями, рассчитывая, что поскольку такое слияние — дело их свободной воли, их свободного выбора, оно снимет с них бремя внутренней свободы и одновременно позволит сохранить интеллектуальную индивидуальность. Однако опыт социализма показал, что желаемое выдавалось за действительность, что надежды радикально изменить положение интеллектуала в обществе — неосуществимая мечта. Присоединившись к движению, интеллектуал добился лишь самоликвидации. Мы видели в прошлом, мы видим и сейчас, как трудно после этого реконструировать утерянную индивидуальность, как трудно вернуться к своей задаче и вновь взвалить на себя сизифово бремя.

* * *

В исторической перспективе сопротивление интеллектуалов в странах Восточной Европы, в странах ”нового общественного договора”, может рассматриваться как проявление новой ситуации. Ее необходимо изучить.

Европейский ренессанс, эпоха просвещения, либеральное общество и капитализм сформировали индивидуума, который осознал свои права и свою относительную свободу. Это сознание стало отправной точкой развития современных общественно-экономических структур. Гуманистическое мышление, как реакция на мышление средних веков, исходит из понимания че-

ловека как существа, поведение которого детерминировано потребностью в свободе, в независимом образе мысли. ”Новый общественный договор”, который возрос на советской почве, полностью отрицает эту гуманистическую концепцию. Он исходит из того, что свободный человек — сам себе враг, что свобода мешает человеку рационально пользоваться предоставленными обществом возможностями, а потому противоречит его жизненным интересам. Отказавшись от активного участия в политической и экономической деятельности, удовлетворяясь ролью только лишь исполнителя в обмен на относительную материальную обеспеченность, человек на деле — с точки зрения ”нового общественного договора” — свободен. А чтобы эта ”свобода” была полной, необходимо всего лишь уничтожить сознание интеллектуалов и совесть общества, ликвидировать — вернее, не допустить возрождения — гуманистического интеллектуала времен классицизма и гуманизма, установить власть трафаретных сознания и совести, которые базируются на чисто материальных интересах индивидуума.

Создание общества ”нового общественного договора” — не первая попытка ликвидации интеллектуалов в истории. Но в новой истории Европы попытка эта продолжается уже достаточно долго для того, чтобы послужить проверкой предвидений Замятина, Орвелла, Хаксли и др., которые поставили под вопрос будущее гуманистической концепции человека. Может быть, гуманистическая концепция человека, как и классическая, гуманистическая концепция культуры принадлежит истории? Может быть, европейский гуманизм — это всего лишь исторический анаколуп*, а ”новый общественный договор” — следствие перехода от средних веков к социализму? Может быть, европейская традиция гуманизма только чересчур осложняет этот переход?

В контексте этих вопросов сопротивление интеллектуалов Восточной Европы может приобрести большее значение и стать более серьезной силой, чем многие готовы признать. С другой стороны, если гуманистическая концепция человека ложна или если она остается единственно возможной альтернативой, то социализм с ней несовместим (что противоречит утверждениям авторов социалистических теорий, которые сами выросли в традициях европейской гуманистической концепции), то сопротив-

* Стилистическая фигура, состоящая в нарушении правильности речи. — Ред.

ление интеллектуалов заранее обречено на провал.

Но существует еще одна возможность: не гуманистическая концепция человека, а советская альтернатива этой концепции представляет собой аномалию. Население стран Восточной Европы воспринимает нынешнее положение как результат колонизации чуждой культурой, насильственного внедрения чуждых структур. Предпринятая в хрущевские времена попытка осуществить синтез "нового общественного договора" и гуманистических традиций Европы оказалась квадратурой круга. В будущем нерусская часть Восточной Европы окажется перед альтернативой: либо гуманистические традиции пустят корни и в СССР, либо нерусская часть Восточной Европы с Советским Союзом разойдется.